

Стихотворные переложения из Микеланджело Буонарроти Вяч. Иванова

Публикация О.А. Кузнецовой и А.Б. Шишкина*

О Микеланджело Буонарроти Вяч. Иванов впервые писал в созданном в начале 1890-х годов цикле *Итальянские сонеты*. Для русского символизма, который провозгласил девиз пережить в современном искусстве все века и народы, этот цикл представлял особый интерес, ибо в сонетах Италия присутствовала в плане выражения и в плане содержания – в памяти сонетной формы и жанра и в темах и идеях итальянского Возрождения. Ряд *Итальянских сонетов* был посвящен художникам Кватроченто, работы которых Иванов видел во время своего первого приезда в Европу в 1890-е гг. Эти сонеты были попыткой создать словесные образы и символы, которые соответствовали бы, воспроизводили бы живописные и пластические изображения итальянских мастеров – типично ренессансная затея! Один сонет – *Il Gigante* – Вяч. Иванов посвятил статуе Давид Микеланджело на флорентийской площади Синьории. Другой сонет – попытка описать словом микеланджеловские фрески Сикстинской капеллы (Вяч. Иванов упоминает фрески *Сотворение Солнца и Луны, Сотворение Адама, Пророки, Сивиллы, Предки Христовы и Страшный Суд*), вся же капелла видится поэту как “вечности символ”, храм, наполненный громами, громким плачем и воплем, “колеблемый сосуд” материализовавшейся музыки.

В следующие десятилетия Вяч. Иванов вместе со своими единомышленниками обосновывал канон русского символизма, ища сходные ему идеи в античности – прежде всего у Платона – и в Возрождении. Существенное место в этом символистском каноне заняли идеи Микеланджело о форме, о соотношении “духа” и “материи”, творчества и действительности, платоническом и христианизирующем Эросе. Со-

---

* Авторы приносят благодарность за помощь в работе Димитрию Вячеславовичу Иванову. Публикация подготовлена при поддержке Фонда “Культурная инициатива”.

нет Микеланджело *Non ha l'ottimo artista alcun concetto*, наряду с высказываниями Данте и Гете, стал источником ключевых цитат в его теоретических статьях.

Формальным поводом, побудившим Вяч. Иванова взяться за переводы, послужило предложение Зинаиды Николаевны Райх, возглавлявшей “Издательство при Театре имени Всеволода Мейерхольда” выпустить в свет в СССР поэтические произведения Микеланджело на русском языке.

Чета Мейерхольдов совершала в июле-августе 1925 г. заграничное путешествие, целью которого было не только знакомство с зарубежными театрами и театральными деятелями, но и налаживание для советского издательства контактов с живущими в Италии русскими – Вяч. Ивановым, П.П. Муратовым и О.И. Синьорелли¹. Во время визита в Рим в августе этого года З.Н. Райх условилась с Вяч. Ивановым о взаимном сотрудничестве и наметила перспективу совместной деятельности.

В официального рода письме З.Н. Райх 3 августа 1925 года, имевшего по всей видимости силу “протокола о намерениях”, оговаривались точные условия заказа: “Перевод всех поэтических произведений Микель-Анджело Буонароти в количестве 3.000 (трех тысяч) строк” и “сроки представления работы”: “1 апреля 1926 г.”². Вяч. Иванов предполагал снабдить стихотворения комментариями, а также включить в издание письма Микеланджело и биографический очерк Кондиви “Жизнь мастера, писанная его учеником”.

Зинаидой Николаевной в данном случае руководило не только желание “облегчить” “преподлую материальную беду и нужду” только год как оказавшегося в Риме с двумя детьми поэта, но и небесспорное опасение, что имя Вяч. Иванова постепенно будет в “молодой СССР-рии” предано забвению и изъято из литературы. Напротив, бывшей слушательнице Высших Женских Курсов, “одной ноздрей когда-то понюхавшей науку”, считавшей себя “более или менее средне-культурным человеком старой формации”, Вяч. Иванов по масштабу дарования представлялся “гигантом”, а его “ценность” и “громадное значение в литературе и искусстве” безусловными.

---

¹ О пребывании Мейерхольдов в Риме и встречах с семьей Вяч. Иванова см. Л. ИВАНОВА, *Воспоминания. Книга об отце*. Париж 1990, с. 154-155.

² Все использованные в публикации письма З.Н. Райх и О.А. Шор к Вяч. Иванову, хранятся в Римском архиве поэта. Уже после сдачи статьи в печать появилась публикация Н.В. КОТРЕЛЕВА и ФАУСТО МАЛЬКОВАТИ, *Вяч. Иванов в переписке с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх*, “Новое литературное обозрение” № 10, 1994, содержащее письма Райх и ответные письма к ней Иванова.

По возвращении на родину молодой и энергичный “председатель издательства” уже 30 августа напоминает: “Ну, а как поживает Микель-Анжело? Переводите ли Вы его? Напишите мне о нем обязательно”. В письме 4 декабря этого же года она объясняет паузу в переписке тем, что не могла получить гонорар для Вяч. Иванова: “А что писать?! Без денег ерунда. Они – главное [...] всего Вы получите 200 рублей в счет Микель-Анджело. [...] Если вышлете стихи, которые перевели, то за них начну высылать периодически, как высылала за статью – быстро – по количеству строк и по цене по какой-то условилась”.

Работа над переводами была начата в августе, а в конце сентября-начале октября первые опыты были представлены на суд слушателей в советском Полпредстве в Риме.

Еще в Москве, до отъезда в 1924 году в Рим, Вяч. Иванов много беседовал о Микеланджело с Ольгой Александровной Шор, (впоследствии в Италии ставшей близким другом, биографом и издателем поэта). Представленный на суд мэтра этюд молодого историка искусств, посвященный философскому истолкованию произведений художника и скульптора, крайне заинтересовал Вяч. Иванова³. В его Римском архиве сохранилась рукопись этюда (112 листов, половинного формата), с инскриптом “Вячеславу Иванову, Учителю и другу очерк этот благоговейно посвящаю”.

По просьбе переводчика, заинтересованного в библиографических разысканиях, З.Н. Райх связалась в Москве с молодой исследовательницей творчества Микеланджело, о чем уведомляла 4 декабря 1925 года: “С Шор – виделась, она обещала Вам написать и сообщить все о Микель-Анджело в России (что о нем напечатано и что его напечатано)”. Письмо О.А. Шор Вяч. Иванову, содержащее библиографические сведения, было отправлено из Москвы уже 19 октября. В нем задавались и вопросы, касающиеся перевода отдельных стихов. В частности ее интересует, как Вяч. Иванов понимает терцет:

Come dal foco 'l cald' esser' diviso
Non può, dal bell'etern' ogni mie stima,
Ch'esalta, ond'ella vien, chi più 'l somiglia.

Вероятно, ответом на восторженный отзыв О.А. Шор относительно ивановского перевода служит замечание мастера в письме 16 июня 1926 года: “Неосновательно, мой дорогой философ, ‘выводить’

³ Л. ИВАНОВА, *Воспоминания*, с. 186-187.

из остроумных соображений по поводу моей передачи М. Анджелива понятия 'stima' – превосходство моего стихотворного переложения перед оригиналом. Чем же оно хорошо, если капитулируя перед 'тяжелостью подлинника' eo ipso отказывается передать его внутренний ритм?"

Уже из письма 4 декабря 1925 года было ясно, что финансовые дела в издательстве "отнюдь не блестящи", а скорее "в плачевном состоянии", и следовательно роль "меценатки", с "тугим карманом", которую пыталась поначалу играть молодая жена директора театра, не вполне ей удалась. Становилась очевидной несвоевременность такого рода культурного начинания, о чем Вяч. Иванов прозрачно намекал в письме к Шор уже 30 апреля 1926 г.:

"Мейерхольдовское изд[ательство] кажется, разладилось или разлаживается по отсутствию средств (только ли поэтому?), невысылка аванса сказалась параличом моих работ по М. Анджело (опять улика meines krassesten Materialismus!). Все же ряд стихов переведен, но кое что я кажется растерял в своих же бумагах безвозвратно.

P.S. не увидите ли с Зин. Ник. Мейерхольд, чтобы узнать точно ее намерение относит. изд М. Анджело?"

Кроме того публикацией своей работы в "просвещенном" издательстве, а также заявленным редакцией принципиальным несогласием с автором "по целому ряду вопросов", Вяч. Иванов остался недоволен⁴, чем он и поделился с О.А. Шор 1 июня 1926 г.: "Из посольства прислали мне экз[емпляр] 'Театрального Октября' с моей статьей 'Гоголь и комедия Аристофана'. Статья напечатана дико, с нелепою оговоркой редакции, с опечатками, искажающими ее смысл. 'Зачинательная личность' моей теории (т. е герой) обратилась в 'значительную' личность, а 'мимический хор' в 'мистический хор'. Отсюда, вероятно, возникло в пугливом воображении редакции (пуганая лошадь куста боится) представление о 'мистическом' характере моей статьи, за что она (лошадь) и извиняется сконфуженная перед своими читателями".

Помимо прочего у автора возникают опасения, что последующий выпуск "вовсе не предвидится", а отсутствие "в списке предпола-

---

⁴ Об истории публикации статьи см. Вяч. Иванов, *Собр. соч.*, т. IV, Брюссель 1987, с. 751-752 (примечания Д. Иванова и А. Шишкина). Там же приведено 'редакционное заявление': "Редакция, не соглашаясь с автором по целому ряду вопросов (особенно с абстрактно-мистической трактовкой понятия хора и возникновения трагедии), тем не менее дает место его статье в виду крайне интересных замечаний ее конкретной части и ее ценности в дискуссионном отношении".

гаемых изданий театра Мейерхольда – ‘сонетов Микель-Анджело’ – факт отнюдь не случайный.” “Кажется, что издательство сходит на нет”, – замечает переводчик. Письмо З.Н. Райх 12 августа 1926 г. содержит последнее упоминание о сделанном ею год назад заказе: “Высылка мной Вам ежемесячно 150 р. за переводы Анджело не могла состояться [...] я ничего не могла получить для Вас, не имея от Вас хотя бы перевода 50 стихов–строчек [...] Если не смогу устроить в нашем издательстве Анджело – берусь помочь устроить его в другом каком либо московском или ленинградском. А есть ли у вас что-нибудь? Работали ли Вы.”

Вяч. Иванов успел перевести восемь поэтических произведений Микеланджело, далее работа, не имевшая практического выхода, была приостановлена из-за других спешных литературных обязательств.

В Римском архиве поэта сохранились семь текстов в рабочей тетради № 4 (лл. 57-62) и четыре черновика в папке “Автографы стихотворных переводов” (л. 94-95а). Из них два сонета были опубликованы О.А. Шор. в “Новом журнале”, № 100 (1970), с. 9. Сонет *La vita del mie amor' non è 'l cor mio...* (“Не в темном сердце жизнь любви моей...”) в тетради дан в переложении на немецкий язык (автор перевода – Sophie Hasenclever, 1875); русский перевод находится среди отдельных автографов (л. 95а). Стихотворения I-V публикуются впервые по автографам в тетради 4; VI – по отдельному автографу. Нумерация стихотворений Микеланджело соответствует общепринятой в итальянской эдиционной практике.

переводы IX и CIX в. И. читал
в сов. по со м. в. в. с. к.
Л. Иванов.

III.

Signor, se vero è alcun proverbio antico
Questo è ben quel, che chi può mai non vuole.
Tu ài creduto a favole e parole
E premiato chi è del ver nemico.

I' sono e fui già tuo buon servo antico,
A te son dato come e' raggi al sole,
E del mie tempo non ti increse o dole,
E men ti piaccio, se più m'affatico.

Già sperai ascender per la tua altezza,
E 'l giusto peso e la potente spada
Fussi al bisogno e non la voce d'ecco.

Ma 'l cielo è quel ch' ogni virtù disprezza
Locarla al mondo, se vuol, c' altri vada
A prender frutto d'un arbor, ch' è secco.

Согласно стародавнему присловию –
“Кто может, тот и хочет”. Правда есть
В том слове, государь! Лжецов за лесть
Ты наградил и верил баснословию.

Тебе служил, тебе служу с любовью.
Я солнца твоего лучи. Мне честь –
Величья твоего поведать весть.
Мой труд ты видишь – и не двинешь
бровью.

А чаял я: ты руку с высоты
Протянешь мне. Ты с верными весами
Взял правый меч... Как? Эхо мнений – ты?

Но людям доброй воли небесами
Отказано в отраде доброй мзды.
Сухого древа не для них плоды.

IX.

A GIOVANNI, A QUEL PROPRIO DA PISTOIA,
(durante la dipintura della volta della Sistina)

I' ò già fatto un gozzo in questo stento,
Come fa l'acqua a' gatti in Lombardia
Ovver d' altro paese che si sia,
Ch' a forza 'l ventre appicca sotto 'l mento.

La barba al ciel e la memoria sento
In sullo scrigno e 'l petto fo d' arpia,
E 'l pennel sopra 'l viso tuttavia
Mel fa gocciando un ricco pavimento.

Зоб [наживаю], как одмоклый кот^{5 а}
В ломбардских лужах. Славная^б работка!
Передохнуть не в силах^с: сперлась глотка
Как если б с подбородка рос живот.

Затылок на лопатки давит^д. В свод,
Нависший на нос, уперлась борода.
Круглее грудь не выпятит красotka^е,
А с жирной кисти краска каплет в рот.

⁵ На соседнем листе находится незаконченная переработка карандашом.
Ниже под буквенными обозначения приведены варианты.

^а Зоб нажил я, как от простуды кот

^б Задана работка!

^с [И шея свернута]

^д Закинут за плечи затылок.

^е [[И круче грудь не выпятит лебедка].

E' lombi entrati mi son nella peccia,
E fo del cul per contrapeso groppa,
E' passi senza gli occhi muovo invano.

Dinanzi mi s' allunga la corteccia
E per piegarsi addietro si ragroppa,
E tendomi com' arco soriano.

Però fallace e strano
Surge il iudizio, che la mente porta,
Che mal si tra' per cerbottana torta.

La mia pittura morta
Difendi orma', Giovanni, e 'l mio onore,
Non sendo in loco bon nè io pittore.

Мне кажется^f, в кишки втянулись почки.
Переместились^g равновесья точки;
Ступаю по лесам^h, не глядя внизⁱ.

Натянутой охота лопнуть коже
И мышцы так на теле напряглись,
Что на согнутый лук оно похоже.

Судите же не строже,
Чем справедливо, судьи, поворот
И выгиб тел. Стрелок, не целясь, бьет

Джованни, доброхот,
От них ты защити мой труд^j бескры[лый]
Я каторжник, не живописец милый.

X. IN ROMA

Qua si fa elmi di calici e spade,
E 'l sangue di Cristo si vend' a giumelle,
E croce e spine son lance e rotelle,
E pur da Cristo pazienza cade.

Ma non c'arivi più 'n queste contrade,
Che n' andre 'l sangue suo 'nsin alle stelle,
Poscia c'a Roma gli vendon la pelle,
E ècci d'ogni ben chiuso le strade. [...]

Тут в шишаки священные сосуды,
Кресты перековали в палаши
Господней крови нацедят ковши
В обмен на золото иль оружий груды

Когда б Христос сошел в сей град Иуды,
Кровь брызнула б к звездам: за барыши
С Него содрали б кожу торгаша
На стогнах Рима все творятся блуды⁶.

XСII.

La-vita del mie amor' non è 'l cor mio,
Ch' amor di quel ch' i' t' amo è senza core,
Dove cosa mortal, piena d'errore,
Esser non può già mai, nè pensier rio.

Не в темном сердце жизнь любви моей!⁷
Нет, не пристрастье слепоты сердечной,
Ни вождельенье страсти скоротечной,
Не долгий плен она, нет смерти в ней.

^f Все свернуто

^g Перевернулись

^h по мосткам

ⁱ [Далее в этом варианте следует строка, нарушающая эквистрофику оригинала]: Не сознаю бродя, где верх, где низ.

^j [На этом переработка обрывается].

⁶ Из этого сонета Вяч. Иванов переведены только два первых катрена.

⁷ Текст данного сонета приводится по более раннему автографу карандашом (папка Стих. переводы, л. 95а об.) с правкой, его более поздняя версия приводится в публикации письма Вяч. Иванова к О.А. Шор.

Amor nel dipartir l' alma da Dio
Me fe' san occhio e te luc' e splendore;
Ne può non rivederl' in quel che more
Di te per nostro mal mie gran desio.

Come dal foco 'l cald' esser' diviso
Non può, dal bell' etern' ogni mie stima,
Ch' esalta, ond' ella vien, chi più 'l somiglia.

Poi ch' ài negli occhi tutto l' paradiso,
Per ritornar là, dov' i' t' ama' proma,
Ricorro ardentò sott' alle tuo ciglia.

Хранит наследье лучник в Боге дней:
Я – око здоровое, ты – свет извечный;
И в оболочке хрупкой и конечной
Ловлю я славу памятных лучей.

Где пламя, там и жар: так не отходит
От красоты и в край родной любовь
Того возносит, в ком ее находит.

В твоих очах мне рай сияет вновь,
Где древле я любил тебя, и вводит
В золотые двери сводчатая бровь.

XCIV.

Per fido esempio alla mia vocazione
Nel parto mi fu data la bellezza,
Che d'ambo l'altri m' è lucerna e specchio:
S'altro si pensa, è falsa opinione.
Questo sol occhio porta a quella altezza
Ch' a pingere e scolpir qui m'apparecchio.

Se guidizii temerarii e chiocchi
Al senso tiran la beltà, che muove
E porta al cielo ogni intelletto sano,
Dal mortal al divin non vanno gli occhi
Infermi e fermi sempre par là, dove
Ascender senza grazia è pensier vano.

Дана мне от рожденья красота.
В художествах обоих мой светильник
И зеркало. Кто видит в ней иное,
Превратно судит. Взоры ввысь подъямлю
Когда резец беру и кисти в руки.
Безумец святотатственно совлечь
Ее желал бы в чувственную прелесть;
Она же к небу каждый гений здравый
Зовет и движит. Но невыносимо
Божественное немощному зренью;
Лишь мощное вперяется в предел
Очам без благодати недоступный.

CIX.

SOPRA LA NOTTE DEL BUONAROTTO
DI GIOVANNI STROZZI

La notte, che tu vedi in sì dolci atti
Dormir, fu da un Angelo scolpita
In questo sasso, e perchè dorme, ha vita.
Destala, se non credi, e parleratti.

LA RISPOSTA DEL BUONAROTTO

Caro m'è sonno e più l'esser di sasso,
Mentre che 'l danno e la vergogna dura.
Non veder, non sentir m'è gran ventura;
Però non mi desta, deh! parla basso.

<ДЖ. СТРОЦЦИ
О 'НОЧИ' БУОНАРРОТИ>

Ночь пред тобой. Гляди, как сладко спит.
Изваянная Ангели рукою.
Что дышит, видишь? по ее покою
Не веришь – разбуди: заговорит.

<ОТВЕТ БУОНАРРОТИ>

Мил сон; милее в каменной груди
Глубокий холод. В этот век постыдный
Не чувствовать, не видеть – дар завидный
Меня ты речью громкой не буди.

Письмо В.И. Иванова к О.А. Шор.

Рим, 9 ноября 1925 г.

Дорогая Ольга Александровна,

Посылаю Вам свое переложение и истолкование интересующего Вас сонета М. Анджело; кстати, это будет для Вас пробой принятой мною работы. Прошу не ограничиваться поощрениями, но сообщить самые деловые, сублильные и придиричвые замечания, памятуя, что их-то филолог и ценит.

Прозаический истолковательный перевод:

“Жизнь любви моей не сердце мое, ибо не сердцем любит та любовь, какую люблю тебя: ничего смертного, подверженного заблуждению, не может в ней быть, ни мысли греховой.

“В миг, когда душа разлучалась с Богом, любовь соделала меня оком здравым, тебя же светом и сиянием и мое великое желание не может не узнавать это сияние в том, что, к прискорбию нашему, должно умереть в тебе (на земле).

“Подобно тому, как жар не может быть отделен от огня, так от вечно прекрасного не может быть отделено мое благоговение, которое возносит того, кто наиболее подобен образцу красоты вечной, в те сферы, откуда нисходит благоговейная любовь.

“Так как весь рай заключаешь ты в очах своих, я, пламенея желанием вернуться туда, где впервые любил тебя, обращаюсь под свод твоих бровей (согласно первому значению слова *siglio*, или же, так как *siglia* значит и ресницы: под завесу твоих ресниц)”.

Опять перед нами платоническая концепция красоты и любви. Души упали на землю из мира духовного и божественного, из лона Божия. Истинная красота как предмет Эроса, – свет оного мира, погруженный в материю. Существо Эроса, способность узнавать этот свет и к нему стремиться, – память о виденной в потустороннем мире красоте. Орган этого узнания – не сердце, волнуемое желаниями, но чистое, здоровое око. Глаза – проводники, соединяющие памятьливую душу любящего с любимой душою, таящую в себе унаследованный от неба свет; о том, как соединение душ в любви совершается при посредстве глаза, учит Данте. Что любовь возводит любимого в те горние сферы, откуда сама нисходит, – мысль Платона. По Платону же памятьливая душа избирает предметом своей любви то существо, которое наиболее напоминает ей виденный ею некогда образец вечной красоты. “Служа различным божествам, люди испытывают овладение оными и в этом овладении невольню воспроизводят в своей жизни, чувствованиях и наружных оказательствах, по мере своих сил все то, что составляет внутреннюю особенность и внешние

отличия овладевшего ими божества... Если в таком состоянии им случается

испытать любовную страсть (pathos), то любовь их бывает устремлена на человека, наиболее похожего на божественный образ, в них впечатлевшийся, и тогда возлюбленный делается для них предметом обоготворения, кумиром их бога, его живым подобием. Усматривая в любимом черты своего божества, люди, – продолжает Платон (Phaedr, 230) – “еще более его любят, и если они из Зевса зачерпнули, как менады, плещут влагою на души любимого, творя его сколь возможно более подобным своему божеству”. Это выписка из моей книги (“Дионис и прадионисийство”, стр. 203 сл.)

А вот и “переложение” (ибо в стихах можно дать только переложение):

Не в темном сердце жизнь любви моей:
 Не заблужденье слепоты сердечной,
 Не вожделье страсти быстротечной,
 Не тлен она, и нет соблазна в ней.

Мы сберегли во мгле земных путей
 Я – око здоровое, ты – свет извечный;
 И в оболочке хрупкой и конечной
 Ловлю я славу памятных лучей.

Где пламя, там и жар: так не отходит
 От красоты и в край родной любовь,
 Того возносит, в ком ее находит

В твоих очах мне рай сияет вновь
 Где прежде я любил тебя, – и вводит
 В золотые двери сводчатая бровь.

Мое желание – чтобы Вы написали вводный к переводу стихов этюд о М. Анджело как поэте и объяснили его лирику из его внешней и внутренней биографии. Только не называйте его стихов ‘неуклюжими’: стих М.А. максимально ловок и гибок в передаче subtilностей его мысли. Он тяжел из-за своего удельного веса.

Russica Romana

VOLUME II 1995

LA FENICE EDIZIONI